

Осенний рассвет был цвета карамельных яблок. Ветер начисто выдул небо, оставив после себя облака, вытянувшиеся в узорчатые рыбы хвосты.

Ци Хань лениво развалился на круглом диване на балконе больничной палаты, закинув ногу на ногу. Тонкая цепочка от золотых очков качалась у подбородка.

Когда он смотрел на людей, уголки его глаз привычно вздрагивали вверх, и от этого даже самый безобидный взгляд походил на острие ножа. В этом взгляде не было ни тепла, ни терпения — только холодный расчёт.

— Дать корпорации Цинь двадцать процентов? — голос Ци Ханя звучал равнодушно, как если бы он обсуждал погоду. — У них хватит сил это потянуть?

Все менеджеры по ту сторону видеосвязи моментально заткнулись. Кто-то кашлянул, кто-то неуверенно подался вперёд и проблеял:

— Г-глава, мы проводили оценку рисков. Корпорация Цинь действительно—

— Ты проводил оценку? — Ци Хань чуть прищурился, взгляд хищный и ледяной. — Или просто взял деньги и написал то, что тебе сказали?

— Н-ничего! Г-глава, я бы никогда... — менеджер побелел как мел и замахал руками.

Ци Хань лениво глотнул кофе и коротко бросил:

— Сядь.

— ... Да, глава.

Судя по лицу, настроение у главы корпорации было паршивое. Совещание шло уже полчаса, но он только один раз скользнул взглядом по экрану, а всё остальное время сверлил глазами что-то сбоку, с таким выражением, будто ему в ухо жужжала разъярённая оса.

Те, кто знал его давно, сразу поняли: Ци Хань был готов взорваться.

Но правда заключалась в том, что Фу Гэ как раз сейчас рисовал в саду этажом ниже.

Ци Хань еле выпросил палату с таким видом, чтобы можно было одним глазком наблюдать за Фу Гэ, не рискуя быть пойманным. Но как назло, рядом с ним болтался мелкий сопляк, который каждые полминуты скакал вокруг и вопил: “Жена! Жена!”

Полчаса совещания — столько же раз этот мелкий паразит взвизгнул. А вместе с этим столько же раз Ци Хань дёрнул пальцем по горшку с кактусом на столе, медленно, но верно превращая его в лысый суккулент.

— В этом возрасте дети вообще спят или только орут? — холодно поинтересовался он.

Менеджеры подумали, что он говорит про них, и затрепетали как осиновые листья:

— Г-глава, простите! Мы просто хотели быстрее закончить, поэтому вчера задержались до ночи, если вы...

— Хватит, — Ци Хань хмуро оборвал. Лицо было мрачнее тучи. — Те, кто перерабатывал, пусть зайдут в бухгалтерию и заберут сверхурочные по ставке в полтора раза. А этот план переделать.

— Президент корпорации Цинь как выпьет — так жену лупит, — холодно добавил он, переворачивая бумаги. — В прошлом году у них вся бухгалтерия в мухлёже утонула. А ты предлагаешь передать права на продажу женских товаров такому человеку. Да он за полгода цены в два раза задерет.

Менеджер, который до этого талдычил про какие-то там «оценки рисков», побледнел и втянул голову в плечи. Остальные слегка расслабились, кто-то даже вполголоса пробормотал:

— А откуда глава вообще это всё знает?..

Ци Хань допил кофе и, наконец, оторвал взгляд от окна. Голос был равнодушным и даже немного скучающим.

— Короче говоря, все компании с одинаковыми активами: кто изменяет жене или поднимает на неё руку — пусть сосут лапу. Всё, на сегодня всё.

Из-за того, что по утрам ему нужно было сдавать феромоны, да ещё и сохранять безупречный вид перед подчинёнными, Ци Ханю приходилось назначать утренние совещания всё раньше и раньше.

Как только работа закончилась, он закрыл ноутбук, аккуратно убрал толстую записную книгу и провёл пальцем по обложке. На ней была приклеена та самая картинка с медвежонок, порванная и заботливо склеенная заново.

Сейчас точно такой же медвежонок неторопливо появлялся на рисунке Фу Гэ этажом ниже.

— Жена, а почему ты всё медвежат рисуешь, а? — мелкий пацан тискал в руках бутылку

тёплого молока.

— Может, потому что кто-то ждёт, — тихо ответил Фу Гэ, нервно сжимая пальцы. Правая рука снова начинала дрожать, он слишком долго рисовал.

— Ты что, опять устал?! — мелкий тотчас вскочил на цыпочки, цепляясь за его рукав. — Жена, я тебе помогу!

Не успел договорить, как был пойман за шкурку и поднят в воздух. Ци Хань мрачно держал его на весу, а лицо выражало такое холодное раздражение, что пацан мгновенно съёжился.

— Т-т-ты кто вообще?! — жалобно проблеял мелкий.

Ци Хань показательно улыбнулся, склонился к его уху и почти ласково пробормотал:

— Я — муж твоей “жены”. И если ты ещё раз его так назовёшь, я тебя сожру.

Мелкий вылупил глаза, молча провисел пару секунд, а потом истошно взвыл и, заливаясь слезами, сиганул прочь со всех ног:

— Не ешь меня! А-а-а!

Фу Гэ в недоумении обернулся:

— Малой, ты чего?!

Ци Хань тут же мягко приобнял его за плечи, увлекая в сторону:

— Устал, наверное — голос был заботливым, хоть лицо и оставалось совершенно бесстрастным.
— И не беги так, упадёшь.

Услышав это, мелкий пацан заревел ещё громче:

— Не ешь меня! А-а-а!

Фу Гэ прищурился:

— Ты его случайно не обижал?

Ци Хань протянул руку и легонько провёл пальцем по кончику его носа:

— Конечно нет. Ну что за разговоры.

Его пальцы медленно скользнули вниз, задержавшись на тонком запястье:

— Ты не устал?

Фу Гэ не ответил. Он только недовольно сморщил нос, чуть подрагивая, будто маленький кролик. Ци Хань не удержался от смешка:

— Ты чего дёргаешься-то?

— Щекотно... — Фу Гэ чихнул раз, потом другой, сердито поджал губы и с явной обидой покосился на его руку. — У тебя на пальцах что-то есть!

Целиком забыв, что совсем недавно сам драл колючий кактус, Ци Хань склонился ближе, внимательно разглядывая его:

— Да ничего там нет. Нос чешется, и это тоже моя вина? Ну-ка, давай проверим.

Фу Гэ мгновенно отдернул его руку, длинные ресницы дрогнули, он тихо пробурчал:

— Ещё немного, и я у тебя сегодня медвежонка отниму.

Ци Хань с деланным испугом замахал руками:

— Ой-ой, только не это!

В то же время вторая рука так и не переставала мягко массировать его запястье. Ладонь согревалась от трения, горячие пальцы нащупывали нужные точки и с нарастающим нажимом разгоняли кровь. Несколько таких движений — и Фу Гэ уже расслабился, чувствуя себя так, будто погружается в горячую ванну.

— Полегчало? — тихо спросил Ци Хань.

— Вроде да, только сил всё равно нет, — пробормотал Фу Гэ, и вдруг поднял глаза, замявшись.
— Ты... хочешь со мной порисовать?

Пальцы замерли, Ци Хань резко вскинул голову, будто его застали врасплох:

— Я... я могу? Я же не особо умею рисовать...

Он так растерялся, что мгновенно отдернул руку, взгляд заметался, словно он действительно боялся не оправдать ожидания. Очевидно, Ци Чуань с его талантом давно поселил в нём эту неуверенность. Но стоило Фу Гэ опустить взгляд, как стало ясно: он хотел этого больше всего. Он хотел быть рядом.

Сердце защемило, но маленький бета только тихо вздохнул:

— Не нужно уметь. Главное, чтобы мог подержать холст.

— Вот так просто? — Ци Хань не слишком поверил.

Фу Гэ бросил на него ленивый взгляд, издав тихий, чуть насмешливый звук:

— Угу.

В следующее мгновение его подхватили под талию и легко вздернули вверх. Ци Хань без всякого труда усадил его себе на руки, как будто тот весил не больше пушинки.

— Эй! Руки... осторожнее! — Фу Гэ замахал руками, судорожно вцепившись в его плечи, боясь, что тот заденет какую-нибудь старую рану. Он весь подобрался, стараясь не давить лишний раз, так что даже приподнял бёдра, стараясь не усесться полностью.

Ци Хань тихо рассмеялся, грудь вздрогнула от глухого баса. Он нарочно подбросил его повыше, крепко удерживая:

— Ну и что это за поза? Пять лет назад я мог обнять тебя и обойти весь зал, а сейчас и подавно. Так что сиди спокойно.

Фу Гэ мгновенно залился краской, кончики ушей стали ярко-красными. Он стыдливо покосился по сторонам, шипя сквозь зубы:

— Я говорил держать холст, а не меня!

— Я знаю, — мягко ответил Ци Хань, чуть крепче прижимая его к себе.

Пальцы Ци Ханя плавно скользнули от колена Фу Гэ вниз по голени, легко стянув хлопковые тапочки. Он обхватил холодные босые ступни теплыми ладонями, медленно разминая их, и с укором проворчал:

— Вышел, даже носки не надел. Все ноги исколол. Так нравится это место, да?

Щёки Фу Гэ тут же вспыхнули алым, и в мягком утреннем свете румянец казался таким ярким, будто стоило лишь надавить — и вот-вот выступят капельки росы.

— Ч-что?..

Ци Хань, окончательно очистив его ступни от травинок, распахнул полы куртки и укутал в неё голые ноги и колени, чтобы согреть. Сказал между делом, словно речь шла о какой-то мелочи:

— Раз уж тебе так нравится это место, я после обеда скажу людям, чтобы подстригли газон. А то вдруг снова уколешься.

Фу Гэ только моргнул, ошарашенно похлопал его по плечу:

— Это же больница! Какой ещё газон стричь, ты что, считаешь это своим домом?..

Ци Хань довольно фыркнул, ничуть не смутившись от такого заявления:

— Это лучшая частная клиника в городе. Я владею половиной её акций. Думаешь, я не могу приказать подстричь газон?

Фу Гэ недоверчиво покосился, перевёл взгляд на холст и, сделав вид, будто его это совсем не интересует, пробормотал:

— Мы столько лет не виделись, я даже не знаю, до какого уровня ты добрался. Слышал, тебя теперь все называют... председателем? Чем ты вообще занимаешься?

В глазах Ци Ханя мелькнула серьёзность. Для мужчины работа — это вторая репутация, и он понимал это как никто. К тому же достижения последних лет и правда были не лишены поводов для гордости.

Самый молодой председатель торговой палаты в истории столицы, за два года не допустил ни одного скандала или ошибки, своими силами реформировал весь деловой сектор, открывая ему путь в новую эпоху. Это было величайшее достижение в его жизни.

Жаль только, что делиться этим было не с кем.

Однако хвастаться он давно разучился. Он лишь небрежно улыбнулся:

— Да так, координирую проекты. Ещё не обвыкся в должности, рано гордиться.

Фу Гэ замер, кончик кисти застыл в воздухе. Он повернул голову и, прищурившись, спросил:

— А если обвыкнешься?

Ци Хань невозмутимо ущипнул его за щёку:

— Ты и правда хочешь знать? Раньше ведь терпеть не мог, когда я хвастаюсь.

Фу Гэ сморщил нос и попытался оттолкнуть его руку:

— Правда — это не хвастовство.

— Ладно, — Ци Хань лукаво приподнял уголки губ и, сделав вид, будто тщательно обдумывает ответ, протянул: — Если обвыкнусь, то могу сделать так, что ты сможешь гулять по столице как тебе вздумается.

Фу Гэ фыркнул, не удержавшись от смеха:

— В открытую, значит?

Ци Хань с откровенным удовольствием посмотрел на него:

— Угу, в открытую.

Фу Гэ снова перевёл взгляд на холст и, как бы невзначай, спросил:

— А если кто-то захочет меня обидеть?

— Тогда порежу на кусочки и скормлю собакам, — не задумываясь сказал Ци Хань.

Кисть с громким стуком выскользнула из пальцев и упала на пол. Фу Гэ застыл, глаза распахнулись от шока.

Ци Хань мгновенно понял, что перестарался, и заторопился:

— Напугал, да? Да я же шучу.

Фу Гэ нервно тербил подушечки пальцев, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле:

— Но... в тот день, когда ты избил того парня в больнице... это было страшно. Будто ты и правда собирался его убить...

Ци Хань усмехнулся про себя. В голове пронеслась мысль: Он ударил тебя так сильно, что я и правда должен был его убить.

Но вслух лишь мягко ответил:

— С чего ты взял? Ты меня за бандита держишь? Просто хотел проучить его, вот и всё. К тому же он уже в полиции.

Искажённое детство, отсутствие воспитания, врождённое чувство превосходства и глубокая жажда любви и семьи...

Всё это и стало основой характера Ци Ханя.

Жестокий, властный, противоречивый. Нравственность оставляла желать лучшего, зато свою он защищал, словно разъярённый зверь.

Он не из тех, кто будет давить слабых или злоупотреблять властью. Но стоило кому-то посметь тронуть Фу Гэ — и эта жизнь уже ничего не стоила.

Долгие годы у власти приучили его к безоговорочным решениям. Его авторитет был непоколебим: если Ци Хань решал раздавить какую-нибудь компанию, то делал это методично и хладнокровно, не оставляя шансов.

Но в то же время он не раз заступался за права женщин, а тех, чья репутация была подмочена, убирал с доски без малейших колебаний.

И сколько бы раз он ни принимал решения, ошибки не было ни разу.

Фу Гэ смотрел на него, не узнавая.

Пять лет назад он был лишь наивным мальчишкой с горящими глазами. Сейчас же перед ним стоял чужой человек, чьи намерения и мысли казались непроницаемыми.

— Я серьёзно, — Ци Хань вздохнул, прикрыв глаза, и с деланным смирением пробормотал: — Ничего с тем парнем не сделал. У меня и прав таких нет.

Фу Гэ подозрительно сузил глаза:

— А если будут?

— Даже если будут, — голос Ци Ханя похолодел, взгляд стал тяжёлым и прямым. — Ты меня за кого принимаешь?

Его пальцы медленно гладили ладонь Фу Гэ, будто успокаивая:

— Вся эта власть, деньги — пустое. Я не держусь за них.

Он придвинулся ближе, заглядывая в его глаза. Голос звучал глухо, но твёрдо:

— Я просто хочу, чтобы ты мог спокойно выходить на улицу, не кланяясь никому. Чтобы мог сидеть за столом как равный, не унижаясь перед этими мерзавцами. Чтобы на тебя смотрели снизу вверх, с уважением. Чтобы ты жил легко и свободно.

Он крепче обнял Фу Гэ, глаза мягко сверкнули в полутени. Слова прозвучали, будто клятва:

— Я обещаю, что то, что случилось пять лет назад в переулке, больше никогда не повторится. Ты будешь самым счастливым маленьким принцем на всём белом свете.

Глаза Фу Гэ заблестели. Тёплые пальцы дрожали на его плече. Он тихо прошептал:

— Это всё ради меня?..

— Раньше не было ради кого, — ответил Ци Хань, голос низкий и спокойный. — А теперь есть. Ты знаешь, что семья для меня важнее всего. Ты для меня дороже собственной жизни.

Фу Гэ невольно шмыгнул носом, глаза вспыхнули влажным блеском. Он отвернулся, несколько раз моргнул, прежде чем спросить охрипшим голосом:

— Ты не устаёшь? Ты говоришь так, будто тебе всё нипочём, как будто ты... супергерой какой-то.

— Глупости, — Ци Хань коротко усмехнулся. — Любой человек может сломаться. Я не исключение.

Фу Гэ вздрогнул, зрачки расширились, но уже через миг он снова принял спокойный вид:

— Ты? Сломаться? Ты ведь всем этим руководишь, как в своём личном царстве...

— Это не одно и то же, — голос Ци Ханя звучал сухо и бескомпромиссно. — Я стою в центре делового мира столицы, как знамя, которое не может склониться ни перед кем. На мне не должно быть ни пятна, ни тени. Чистота и беспристрастность — это два меча, что висят над моей головой.

Не успел Ци Хань договорить, как Фу Гэ тихо похлопал его по плечу. Маленький бета бережно обнял его, прижавшись щекой к плечу.

В глазах, обычно чистых и спокойных, сейчас бурлили скрытые эмоции. Он прошептал почти неслышно:

— Понял.

Когда картина наконец была закончена, Фу Гэ позволили сползти с рук Ци Ханя. Маленький бета взялся за уборку кистей и красок, а альфа остался стоять перед мольбертом, прищурившись, оценивающе разглядывая законченную работу.

— Можешь подарить мне эту картину? — полушутя спросил он. — Брат.

— Конечно, — мягко отозвался Фу Гэ.

— Тогда дай ей название, — Ци Хань поднял кисть, повертел её в пальцах, не спуская глаз с холста. — Как бы ты хотел её назвать?

Фу Гэ медленно обернулся, уголки губ тронула лёгкая, почти неуловимая улыбка. Он ответил коротко, но твёрдо:

— Начало.

Рука с кистью замерла в воздухе, и Ци Хань на мгновение застыл, будто не решаясь сделать последний штрих. Он не поднял головы, только тихо пробормотал:

— Хорошо.